

Со Хэджин

Соседи.

Некоторые
тайны лучше
не замечать

Со Хэджин

**Соседи. Некоторые
тайны лучше не замечать**

«Автор»

2026

Хэджин С.

Соседи. Некоторые тайны лучше не замечать / С. Хэджин —
«Автор», 2026

Она замечала всё: положение вилок, температуру воды, звук за стеной, чужую привычку задерживаться у двери. Клара построила жизнь как идеально закрытую систему пока соседи не начали ломать её порядок. Два временных пласта, середина 1990-х и 2020-х, один дом, кафе, исчезновения, странные жильцы и мелочи, которые слишком легко принять за случайность. Чем дальше вы читаете, тем тревожнее становится обычное: бельевая верёвка, пирог в кафе, соседский шум, закрытая дверь. А финал заставляет заново вспомнить всё, что герои предпочитали не замечать. Это мрачный бытовой триллер о самом опасном человеческом таланте — жить рядом с ужасом и убеждать себя, что это не наше дело. После него вы ещё долго будете внимательнее смотреть на соседей.

© Хэджин С., 2026

© Автор, 2026

Со Хэджин

Соседи. Некоторые тайны лучше не замечать

Время — это не линия, а бельевая веревка.

Некоторые вещи высохли, некоторые упали на пол, а те вещи, которые мы хранили годами, — это как раз те, которые мы больше никогда не наденем.

Первый том

Середина 1990-х годов

Проснулась в 6:17 утра. Минуту назад его не было, через минуту его тоже не было.

На протяжении пяти лет звук будильника оставался неизменным: пронзительный, короткий, почти вежливый цифровой гудок. Это был одинокий сигнал, который, если не выключить звук, повторялся каждые тридцать секунд. Клара больше никогда не позволяла ему повторять такое. Она всегда просыпалась в первый день — или, в большинстве случаев, за несколько секунд до первого сигнала. И это не потому, что Клара относится к числу тех сверхэффективных людей, которые занимаются йогой на рассвете или бегают двадцать километров перед завтраком. Но поскольку внутренний мир Клары — это чрезмерно чувствительный механизм, сон для неё — все равно что пытаться закрыть глаза в комнате, залитой светом. В этом смысле пробуждение — всего лишь название конца борьбы с невозможным.

Как обычно, она ещё немного полежала, глядя на потолок в комнате. Ни трещин, ни пятен плесени. Белый цвет безупречный. Такой хирургически белый цвет, без ностальгии и без эмоций. Просто белый. В некотором смысле это выглядело даже немного угрожающе.

Клара повернула лицо влево. На стене у кровати на маленьком гвоздике висел календарь с акварельной картиной, изображающей старинные ворота Лиссабона. На ней был июнь. На картинке этого месяца был изображён бирюзовый портал, по краям которого покрыты сухим плющом. Она уже посмотрела в интернете, где находится этот дом — улица Бика, № 27 — и прочитала в одном туристическом блоге отзыв, в котором это место называли «грязным и переоцененным».

Клара подчеркнула красным карандашом слово «переоцененное». Ей было невыносимо преувеличений.

Она медленно приподнялась с кровати. Ноги без труда нашли шерстяные тапочки. Все вещи лежали на своих местах — не только для удобства, но и для выживания. Она аккуратно оделась, затем почти ритуально встала и, словно складывая военную форму, привела в порядок пуховое одеяло. Она рукой погладила ткань, устраняя любые невидимые неровности. Затем она направилась к туалетному столику. Ровно три шага. Верхний ящик: скатанный свитер. Самый нижний ящик: утренний наряд. Светло-серые спортивные штаны, белая хлопковая рубашка, с маленькими пуговицами.

Дом спал вместе с ней. На улице Агостиньо Дуарте, № 43, квартира 2А царила тишина. Ни шума холодильника, ни шума соседей.

Не висит ни одной картины, ведь она может упасть. Нет штор, ведь на них скапливается пыль. Только алюминиевые жалюзи, слегка застрявшие в левом углу комнаты, что заставляет Клару применять навыки, отточенные за долгие годы: она — легким толчком основания ладони, а затем быстрым движением вправо. Однако сегодня ещё не настало время открывать квартиру.

Она направилась на кухню.

Там всё было гораздо более упорядоченно. Белая плитка. На полках черным фломастером и прозрачным скотчем: «Кофе (использованный)», «Кофе (запасной)», «фильтры», «кружки», «масло (используется редко)».

Шкафчик напоминал лабораторный лоток. Никаких изогнутых ручек, маленьких разных размеров или неправильно расположенных вилок. Каждая вещь абсолютно одинакова, словно близнецы на уроке физкультуры.

Она включила электрический чайник.

Она достала герметичный контейнер с молотым кофе, из которого каждый понедельник отмеряет количество молотого кофе. Она использует кофейные зёрна средней обжарки, купленные в Seu Dorival. Всегда один и тот же сорт: Мокко Бурбон. Клара пьет кофе не ради удовольствия, а по привычке — а также из уважения к матери, которая говорила: «Только после кофе начинается».

Вес отмеряется с помощью точных электронных весов (калибруемых раз в три месяца): ровно 37 граммов. Ни грамма больше. Ни грамма меньше. Она засыпает кофе во френч-пресс, наливает воду температурой 92 градуса, а затем начинает отсчёт на настенных часах: четыре минуты.

Пока ждала, она смотрела в маленькое окно кухни. Снаружи небо уже озаряется белым сиянием, возвещая о наступлении нового дня. По-прежнему ни шума машин, ни голосов детей, спешащих в школу. Только вдали слышался шум постепенно пробуждающегося города, словно кто-то перевернулся в постели и только потом открыл глаза.

Вдруг раздался звук: «Гррррк. Фу-фу».

Клара не сразу обернулась. Она закрыла глаза. Дыхание на мгновение замерло. Затем она медленно повернулась и обнаружила виновника: Отавио.

Кот стоял в коридоре, выгнувшись дугой. Его тело было напряжено, словно он извергал призрака. Его густая, пушистая шерсть дрожала от напряжения. Влажные глаза. Рот был приоткрыт, обнажая выражение отчаяния. Затем он в последний раз совершил недостойный поступок, выплюнув комок бледно-желтой водянистой массы на ковра в гостиную.

Клара не закричала. Она даже не вздохнула. Она просто подошла к гардеробу, надела одну синюю перчатку (это была единственная перчатка из пары, другая была выброшена из-за небольшой дырки), схватила салфетку из микрофибры, уксус с распылителем и ведро с крышкой, а затем вернулась на поле боя. Она присела на корточки, словно совершая буддийский ритуал.

Ковёр был старым. Унаследованным от тёти. С ручной вышивкой, ромбовидными узорами и мелкими симметричными цветами. Он был изготовлен в 1970-х годах на выставке ремесел в штате Минас-Жирас. Клара так и не узнала ответа. Но она знала, что он уникален. Именно поэтому, сейчас он покрыт бесформенным, влажным и неудаляемым пятном, и это просто недопустимо.

Она чистила пятно небольшими движениями. Точно. Механически. Но во время чистки влажная тряпка разнесла уксус за пределы заданной области, и появилось новое пятно: более светлое, в форме птицы. Утренние лучи солнца, проникая сквозь изогнутые жалюзи, падали на пятно, и на стене появилась полоса света.

Клара остановилась. Она почувствовала, как мизинец правой руки слегка задрожал. Судорога. Незначительная. Почти незаметный. Но она заметила. Она всегда всё замечала. Она села на пол. Тряпка выпала из её рук. Октавио прошел мимо неё с некой ленивой величием, не требующей объяснений. Он коротко мяукнул, а затем пошёл на диван лизать лапы.

Клара посмотрела на первое пятно. Затем на второе. Она подумала: «Идеальность закончилась». Она не произнесла это вслух, но фраза осталась в голове.

Она медленно встала. Снова направилась на кухню. Кофе уже был. Она медленно нажала на поршень. Налила себе кофе. Села за стол.

Наблюдала, как поднимается пар. Она поднесла чашку ко рту. Глоток. Ещё один.
Она закрыла глаза.

Впервые за несколько недель она пожелала, чтобы её там не было.

Пятно было прямо за её спиной. Словно предзнаменование. Словно жестокая шутка.
Словно первую царапину на зеркале, до которой оно отражало слишком упорядоченный мир.
Вот так начался этот день.

Вывеска мигала.

PINGADO

CERTO — белые буквы, слово «CERTO»

написано под небольшим наклоном, словно мир внутри заслуживает доверия. Но в слове «PINGA DO» буква «N» после цифры «8» всегда отсутствует.

Это угловое кафе с бежевыми стенами и толстыми льняными занавесками, а внутри всегда витает аромат свежесваренного кофе, подогретых сырных и осторожного разочарования.

28-летний Бернардо (Bernardo), как и последние 11 месяцев, каждое утро стоял за прилавком. На нём был тёмный фартук и белая хлопковая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Его растрёпанные каштановые волосы свисали на лоб. Под глазами были бледные, но постоянные тёмные круги. Два больших карих глаза, словно у умной собаки, всегда были готовы к очередному нагоняю.

Он держал в обеих руках синюю керамическую чашку, словно это была реликвия.

Легким движением запястья он, с ловкостью человека, не верящего в свой талант, искусно выпил чашку капучино. Дизайн представлял собой симметричное сердце.

Ничего особенного. Просто сердце. Круглое. Простое. Идеальное.

Положив чашку на поднос, он глубоко вздохнул.

«Вот и всё, мисс Эйрин», — он постарался, чтобы его тон звучал непринуждённым.

— Снова... сердце, — сказала она, и на её губах появилась едва заметная улыбка.

82-летняя миссис Эйрин уже 16 лет сидела за тем же столом. Стол всегда стоял у окна, и по утрам солнечный свет проникал в комнату лишь ненадолго. Её очки висели на кончике носа. На ней был бежевый шерстяной жакет с вышивкой из мелких жемчужин на воротнике и голубой шёлковый шарф, на котором была закреплена золотая брошь в виде цветка. Помада была пурпурно-красной и всегда слегка растушёвывалась.

Она взяла ложку с изогнутой ручкой, дважды повернула её против часовой стрелки и вонзила кончик ложки в сердце.

— Любовь — это холодный кофе, дорогая. Вначале неплохо, но потом уже не сравнится с ним.

На губах Бернардо промелькнула едва заметная улыбка. Он не ответил. Он подумал, что если бы ответил, она сказала бы что-то ещё худшее. Общение с мисс Эйрин всегда так: каждый ответ — ловушка его самонадеянности, а к утру его эмоциональный запас уже почти иссяк.

Он вернулся к прилавку и влажной тряпкой стал вытирать невидимые крошки. Его руки невольно зашевелились. Жест «раз, два, три». Пауза. Повтор.

Эта маленькая сцена из нержавеющей стали и чистой фарфоровой посуды выглядела идеально упорядоченной.

Зазвенел дверной звонок.

Бернардо поднял голову и увидел Клару.

Она вошла легкой походкой, словно кто-то измерял её шаги. Он был одет в серые спортивные штаны и белую рубашку — такие же, как он надевал каждое утро. Её каштановые волосы были собраны в низкий пучок, две пряди выбивались из него; казалось, что они были тщательно уложены, и в то же время — тщательно уложены.

У него за спиной висела бежевая тканевая сумка, в которой лежала книга. Бернар до никогда не узнает, как называется эта книга. Но у неё синий корешок и ленточка, — всегда такая же.

Клара подошла к прилавку и молчала.

Бернардо понимал, что это за тишина.

Это было упорядоченное молчание. Это было молчание человека, который уже знает, чего хочет, молчание человека, который уже был там десятки раз, но всё равно ждет, чтобы на него обратили внимание, словно это происходит впервые.

Он сам предложил приготовить ей капучино.

Клара снова повернулась к стойке с пакетиками сахара. Всего было три ряда: рафинированный сахар, красный сахар и подсластители. Она сняла все пакетики с трёх рядов и начала переставлять их

Один за другим.

Бернардо молча наблюдал за ней. Это было частью ритуала. Это часть их утреннего танца.

Она внимательно читала срок действия на строчках стихотворения, словно расшифровывая древнюю рукопись срок действия.

Они отличали тех, кто побеждал первым. Я кладу их впереди.

Иногда, обнаружив конверт со слегка погнутой печатью, он тихо вздыхал, выбрасывал его, а затем переворачивал конверт обратно — это было своего рода безмолвное наказание.

Мисс Эйрин стояла за почти пустой чашкой и издали наблюдала за происходящим.

«Это редкая реликвия», — сказал он, прищурившись и глядя на Бернардо.

— Простите? — спросил он, сделав вид, что не слышал.

— Та девушка. Клара. Её звали «Чистая», но когда она шла, казалось, будто весь мир всегда мутный.

Бернардо нервно улыбнулся. Я не знал, как ответить. Возможно, он и не хотел этого.

Клара прибрала сумочку и повернулась.

«Кто-то подменил два подсластителя», — сказал он.

Это были его первые слова за весь тот день. Голос звучал спокойно, без каких-либо осуждения. Но он имел такую же силу, как и судебное решение.

— Я... это я, — ответил Бернардо, почесав затылок. —

— Они чуть не упали. Я просто пошел вперед.

Она подняла подбородок и кивнула. Это было ни прощением, ни осуждением упрек. Это было просто констатация факта: ошибка произошла, была распознана и зафиксирована.

Бернардо поставил капучино на поднос. На этот раз в пенке не было сердца. Только небольшой вихрь, словно спиралеобразная комета. Она, казалось, не обратила на это внимания. Или он действительно заметил, но решил не комментировать.

— Спасибо, — сказала она.

Оплатила монетами. Всегда монетами. Одна из трёх, одна из пятидесяти, две из двадцати пяти.

Бернардо запомнил это про себя. Я знаю, что ей нравится круглая монеты. Мне нравится симметрия. Мне нравятся повторяющиеся жесты.

Клара сидела за задним столом, спиной к стене, лицом к двери. Он, как обыкновения раскрыла книгу на той же странице, но не читала. Она просто пристально смотрела на, словно ожидая, что она что-то скажет.

Миссис Эйрин, опираясь на складную алюминиевую трость, медленно поднялась.

— Я пойду. Солнце уже скрылось за окном, — тихо сказала она.

— И я не буду разговаривать с тенью.

Бернардо улыбнулся; теперь он немного успокоился. Он слишком тщательно мыл голубую чашку. Он снова взглянул на Клару, сидящую в глубине комнаты, погружившись в мысли, которые не имели к этому месту никакого отношения.

Утром на улице уже стало душно. Асфальт начал менять цвет. Этот исполненный трещин город пробуждался под медленное зевание и усталые звуки клаксонов.

Солнце пылало, обжигая цинковые листы старейшей автомойки
«Águia de Aço».

Это не тёплое солнце — оно просто наказывает.

Еще до восьми утра в моих глазах погас блеск, а на спине начал выступать пот. Обгорелый цементный пол всегда влажный, всегда грязный, всегда источает запах жира мыла, масла и скуки.

65-летний Тео прислонился к капоту «Фиат Уно» 1994 года выпуска — цвет машины был столь же неопределённым, как будущее бразильской национальной сборной. Это был оттенок где-то между грязным бордовым, заправочным коричневым и гордым ржавым.

Губка скользит по кузову медленными, почти ритуальными движениями, словно мытье машины — это уже не тяжёлый труд, а скорее некий ритуал.

На нём была грязная белая футболку с дыркой под левой подмышкой, выцветшие джинсы и кепку с надписью

Metalúrgica

Santa

Fé

— компании, которая закрылась пятнадцать лет назад.

Уйдя на пенсию по инвалидности из-за переутомления, пережив забастовки, испуг и два случая грыжи, Тео из-за необходимости вернулся на работу — но делал вид, что просто любит эту работу.

Он тихо бормотал себе под нос, полируя капот.

— Здесь краска со временем облупилась... А вот здесь какой-то ублюдок опирался рукой... Друг мой, это было в 1992 году, в день с градом...

Он улыбнулся про себя. Каждое пятно рассказывает свою историю. Каждый риск — это целая глава. Это не грязь. Это коллекция.

Крик прозвучал, словно раздражённый раскат грома:

— ТЕО! Это же так интересно!

Голос 42-летнего босса Эвандеро доносился из контейнера, служившего офисом. Он всегда был одет в обтягивающую чёрную майку, на нём висели поддельные золотые цепочки и солнцезащитные очки, даже когда небо затянуто тучами. Эвандеро не говорил — он зарычал. Он не смеялся — он насмехался.

Тео не обернулся. Он продолжал тереть губкой, словно гладил рукой лицо старого друга.

— Саро — это зубы, босс. Это история.

Наступившая тишина напоминала сдерживаемый смех. Один из младших ребёнок, Дуглас, вытирал на микрофибровом полотенце бутылку белого «Гор»

«Вино», — он тихо хмыкнул.

Эвандеро хмыкнул. Он знал, что с Тео

— пустая трата времени, к тому же это подорвет его авторитет. Но

Тео имел право на поэтическое выражение: не из уважения, а из принципа.

Тео теперь наклонился, сосредоточив внимание на заднем бампере. Колено коленки издают щелкающий звук. Колонка протестует. Но он уже научился не прислушиваться к своему телу.

На заднем сиденье «Уно» неподвижно лежал плюшевый мишка, словно молчаливый свидетель. У него был только один глаз — другой был вырван, возможно ребёнком, а может, временем. Он был грязным, шерсть выцвела, словно его забыли там на несколько десятилетий.

Тео посмотрел на него и кивнул, словно узнав ветерана окопов.

— Вы там, капитан? Даже с одним глазом он по-прежнему выглядел решительным. Вы многое видели, верно? Вы когда-нибудь слышали разговоры, ссоры, поцелуи, обещания, слёзы и утреннее радио в семь часов утра, где играли песни Уолдика Сориано?

Он осторожно вытер стекло. Медвежонок, казалось, терпеливо наблюдал за ним.

Остальные сотрудники тоже хохотали. Никто из них не понимал, почему Тео так долго ездил на той старой машине. Никто не привозил её на мойку. Она всё время стояла в углу, словно забытая Богом и ГИБДД.

Но это не так: эта машина принадлежала самому Тео.

Тео купил машину в 1998 году на деньги, полученные в качестве расчёта с завода. Она уже не была на ходу. У неё даже не было документов. Но она оставалась в углу автомойки, потому что Тео отказывался с ней расставаться.

— Мы стареем вместе, да, друг? — прошептал он.

— Когда-нибудь я снова отвезу тебя на пляж. Даже если там будет толпа.

В салоне приборная панель была покрыта пылью. В бардачке лежали старые газеты, скомканные салфетки и что-то с надписью «Roupa Nova». В зеркале заднего вида висели чётки.

На дверях были наклеены выцветшие наклейки с надписями: «Иисус — мой пассажир» и «Гордый металлист».

Дуглас подошёл и вытер руки полотенцем: —

Эй, Тео

... зачем вы моете машину, если никто на ней не ездит?

Тео спокойно посмотрел на него, как человек, которому не нужно ни перед кем ничего объяснять, но всё же решил ответить: — Потому что мы чистим некоторые вещи не для того, чтобы ими пользоваться, а для того, чтобы их помнить.

Дуглас нахмурился, давая понять, что не понимает. Он пожал плечами и вернулся к своей машине.

Эвандеро появился в дверях контейнера с стаканом тёплого пива. Он уставился

Тео хотел что-то сказать, но промолчал. Возможно, потому что в глубине души понимал, что жизнь этого старика была гораздо насыщеннее, чем его собственная.

Солнце уже опустилось до середины неба. Шум компрессоров, шлангов и колес создавали грязную, ритмичную музыку — симфонию городского пота.

Тео с трудом поднялся на ноги, вытер лоб предплечьем и посмотрел на Уно, словно это было зеркало его собственного тела.

— Мы всё ещё здесь, да? — тихо сказал он. —

Ржавчина появилась только снаружи.

Он прислонился к машине, зажег сигарету, хотя знал, что Эвандеро запретил ему это делать. Никто не возражал. Медвежонок на заднем сиденье без перерыва смотрел своим пуговичным глазом в окно.

Квартира 5С: параллельная вселенная

В квартире 5С витал запах перезревших бананов, старых книг и отчаяния.

Это была квартира с очень узким коридором, где каждый день с 14:12 до 14:41, солнечный свет проникает в окна гостиной примерно на тридцать минут, а затем, словно нерадивый любовник, исчезает, оставляя после себя лишь тени, пыль и в воздухе.

22-летний Игорь был одет в плавки и несочетающиеся носки. Он сидел за роялем, словно рояль был продолжением его уставшего тела. Глаза у него были полузакрыты, бороду он не

брил уже несколько недель, а его осанка напоминала человека, который вот-вот сломается и готов отказаться от всего.

Это пианино принадлежало Фрицу Дубинману (Fritz Dobermann). Оно было расстроено, две клавиши не работали; инструмент стоял в углу комнаты, словно декоративный труп. Игорь унаследовал его от почти незнакомой бабушки — «женщины с длинными руками и густыми бровями, склонной к молчанию», как описывала её его мать, — и на пятый этаж пианино затащили четверо потных, невероятных мужчин.

Теперь оно мучительно страдает под нерешительными руками Игоря, который пытается создать что-то — что угодно. Тему. Вдох. Это была осмысленная последовательность.

Но он слышит лишь отрывочные фрагменты: то отдельную ноту, там — неудачный трель, а также целая куча диссонирующих аккордов, словно кто-то измельчил симфонию в блендере.

Неправильные ноты, словно стоны, разносились по зданию — звук был недостаточно громким, чтобы считаться музыкой, но достаточно раздражающим, чтобы вызывать страдание.

Это был вторник, три часа дня. Снаружи город пел от жары, а по улицам шёл непрерывный поток общественного транспорта. Здесь же время застыло, словно неподвижная вода.

На полу вокруг рояля лежали раскрытые книги — «Критика чистого разума», «Так говорил Заратустра», «Аляска», «Красное и чёрное», «Ода дуракам».

Все они написаны наспех от руки, некоторые носят философский характер, а некоторые — абсурдные исповеди: каждый человек — сломанный зуб

Заказ через *iFood* — это акт бытия

Может быть, Бог живет в сливной трубе раковины

Между страницами книги скопились банановые кожуры, словно Игорь пытался подражать рациону университетской гориллы. Некоторые из них ещё были свежими, а некоторые уже почернели и извивались, словно маленькие покорные змеи.

В углу комнаты стоял круглый аквариум без крышки; вода в нём была немного мутной, и там жил Ницше — сине-зелёная боевая рыбка с ясным взглядом и, возможно, измученной душой. Ницше, не шевелясь, плыл в воде и смотрел на Игоря с единственным возможным выражением лица: полным безразличия.

— Ты тоже перестал плавать, да? — тихо произнёс Игорь и снова нажал на клавишу, звучавшую фальшиво.

По ту сторону тонкой стены Клара, живущая в квартире 5Б, сидела на полу в кухне и занималась. Она сортировала пакетики с сахаром по сроку годности, цвету и стране-производителю. Сейчас она пыталась прочитать статью об этике Канта в PDF-файле, когда очередная фальшивая нота, прозвучавшая с фортепиано, заставила её глаза задрожать.

Она вздохнула, подняла руку и с бесстрастным выражением лица с силой бросила туфлю в стену.

Довольно.

Тишина длилась три секунды.

Затем, словно вселенная ответила на насилие искусством (или иронией), Игорь сыграл какой-то причудливый, диссонансный, почти демонический аккорд.

Блун — Блум — Тонг.

Этот звук разнёсся по квартире, словно экзистенциальный крик, издаваемый мебелью, брошенной в пустоту.

Клара закрыла глаза, глубоко вздохнула, пробормотала: «Ублюдок...», а затем встала, чтобы заварить ромашковый чай — это было её средством борьбы с периодическим безумием соседей из квартиры 5С.

Игорь улыбнулся.

Она это почувствовала.

Он погладил боковую часть рояля, словно гладил худого кота.

«Дорогой Фридрих, этот мир состоит из напряжённой атмосферы, — сказал он рыбе, — и из соседей, которые ненавидят фортепиано».

Он встал и споткнулся о книгу «Бытие и ничто», лежавшей на полу раскрытой, словно семантическая ловушка. Он вошёл в кухню — которая скорее напоминала небольшую камеру, чем комнату, — заварил себе чашку слабого черного кофе. Вода бурлила, а он, глядя на испачканный фильтр и облупившиеся стены, пробормотал:

— Это не декаданс. Это эстетика сопротивления.

Вернувшись в комнату, он посмотрел на рыбку «Ницше», которая слегка барахталась, борясь с какими-то невидимыми пузырьками.

— Ты же знаешь, да? Мы находимся в параллельной вселенной. Почти всё здесь может случиться. Почти всё. Всегда почти.

Он взял телефон. Ни одного уведомления.

Он снова сел за рояль. Его пальцы скользили по клавишам, словно касались запястье мертвеца. Он сыграл небольшой аккорд. Ещё. Продолжение.

Почти мелодия.

На мгновение ему показалось, что он обрёл некий порядок.

Итак... ты допустил ошибку.

Одна неверная нота разрушила всё. Бах! Разбитый звук.

Игорь пожал плечами. Он улыбнулся. Потом он заплакал. А потом снова улыбнулся. Я ощутил нечто вроде неопишуемого эмоционального шума, словно гудение в глубине души.

В аквариуме Ницше на секунду замер, плавая на боку, а затем восстановил равновесие.

Игорь смотрел на рыбу с почтением и презрением.

— Ты сильнее меня, брат.

Молчание.

Снаружи лаяла собака. Где-то наверху включился миксер. Жизнь продолжается, абсурдная и непрерывная.

Игорь встал. Он подошёл к окну. Небо было грязным, бледно-серого, словно полувывытая тряпка.

«Если это параллельная вселенная, — пробормотал он, — то, пожалуй, я та версия, в которой что-то пошло не так».

Он ничего не сказал, вернулся к роялю и снова заиграл. На этот раз ещё мощнее. Ещё кривее. Ещё реальнее.

Пятница, 19:03

Всё здание словно дышало в замедленном темпе. Люминесцентные лампы в коридоре мерцали — напряжённо, словно сама реальность там тоже билась в судорогах. Давно не обновлённый коридор источал смешанный запах плесени и обычного дезинфицирующего средства — этот запах был характерной особенностью здания имени Иоанна XXIII.

Клара была одета в тёмно-синее длинное платье и серый свитер; на груди у неё была закреплена небольшая брошь в форме подсолнуха. Она аккуратно закрыла дверь квартиры 5В, словно выполняя ритуал, повторённый уже бесчисленное количество раз. Её ключ, как всегда, застрял. Она толкнула засов бедром, точно как научила её бабушка.

Замок издал звук протеста. Неудачный щелчок. Еще один.

Она нахмурилась и сильно дернула. Безрезультатно. Дверь по-прежнему заклинила, словно упрямая дама, отказывающаяся принять визит времени.

— Конечно... пятница... Очевидно, она сломается, — он глубоко вздохнул и пробормотал про себя.

И в этот момент он услышал шаги за спиной — сначала неторопливые, а потом всё более уверенные. Кто-то шёл в носках, почти бесшумно ступая по ковру.

Игорь вышел из коридора напротив с выражением лица человека, который проспал до шести вечера и теперь нёс на плечах тяжёлый груз собственной болезни.

На нём была белая футболка с выцветшим принтом группы Joy Division и спортивные штаны с подозрительным пятном на левом бедре. В руке он держал пару красных кусачек, которые выглядели так, будто их буквально несколько минут назад вытащили из беспорядочного ящика.

— Ты запер дверь?

—

— спросил он, голос его по-прежнему был хриплым, скорее от молчания, чем от сна.

Клара медленно повернулась, словно это движение было описано чешским драматургом. Ее взгляд остановился на нем, словно она не только оценивала тему разговора, но и абсурдность этого момента.

— Оно всегда рушится по пятницам. И почему-то всегда в семь.

— Да... Я три раза спасал эту даму, вместе с предыдущими жильцами — — — говорил Игорь, вертя плоскогубцы между пальцами, словно это были хирургические скальпели. — Замок в 5В очень своеобразный.

Клара наклонила голову.

— Дама?

— Дверь. Она.

5В. Я дала ей имя: Дона Антония.

Молчание. Она слегка приподняла брови.

— Она стонет, когда открывает дверь.

«Она — драматическая вдова», — добавил Игорь, стоя на коленях у замочной скважины.

Клара посмотрела на него. Он заметил её растрёпанные волосы, бледные синяки и обкусанные ногти. Неухоженная осанка. И все же в этом было что-то определенная притягательность. Возможно, это была театральная печаль. Или просто чистая беспорядок.

Она достала из сумки маленький кусочек имбирного печенья, отдельно завернутый в пергаментную бумагу и завязанный золотистым бантиком.

— Он хочет?

—

— спросил он, протягивая руку, словно совершая ритуал вручения подарка, можно даже сказать, проводил обряд изгнания нечистой силы.

Игорь поднял голову. Его взгляд на мгновение задержался, проникнув сквозь этот жест, и остановился прямо на ней.

И вот там их взгляды встретились, и время затянулось на секунду.

На мгновение весь коридор словно погрузился в тишину. Свет перестал мерцать. Внешний мир затаил дыхание.

Просто этот взгляд — первый взгляд, который не уходил из памяти, первый взгляд, на который не влияли ни стены, ни крики, ни фальшивые голоса. Он казался подобным длительному аккорд посреди диссонансной песни.

Игорь взял печенье, немного колеблясь, словно оно было изготовлено из выдувного стекла.

«Я ненавижу имбирь», — сказал он, разрывая обертку. — но когда кто-то любезно предлагает мне то, что я ненавижу, я с радостью.

Клара улыбнулась осторожно, едва заметно — будто что-то дрогнуло на поверхности, а затем исчезло, как пузырьки на дне стакана.

— Это не должно нравиться. Это сделано для придания человечности.

— Справедливо.

Он откусил кусочек печенья. Небольшой. Крошки упали на пол, словно теплый снег, мягко оседая на ковре.

Именно в этот момент появился Октавио, собака из класса 5А — медлительной породной смеси с золотистой шерстью и чёрной точкой над левым глазом, из-за чего он всегда выглядел так подозрительно.

Октавио быстро и серьезно слизнул крошки. Затем он сел между ними, словно арбитр невидимого напряжения.

— Это судья? — спросил Игорь, жевая.

— Нет, это зритель.

Она наклонилась, чтобы погладить собаку, и две собаки снова встретились, на этот раз не через взгляды, а через их совместное присутствие в жесте: одна собака, две руки, один миг.

— Есть ещё что-нибудь?

—

— сказала Клара, вставая.

— Ты собираешься спасти ту вдову?

Игорь улыбнулся. Кривая, искренняя улыбка, наполовину циничная, наполовину — детская.

— Попробую.

Через две секунды он импровизировал, повернув плоскогубцы и потянув за дверную ручку плечом, а потом...

Нажала. С легким вздохом дверь открылась.

— У тебя есть суперспособности? — спросила она.

— Да. Бесполезные, но их много.

Снова воцарилась тишина, дарящая уют. Октавио вздохнул. Ночь снаружи дышала теплом. Клара подошла к дверям лестничной площадки и остановилась.

— Спасибо, Игорь.

Впервые я произнесла его имя.

Он не ответил. Он лишь коснулся своего плеча клещами, словно отвечая вымышленным жестом.

Потом она ушла. Легкие шаги. Коридор постепенно поглотил её.

Игорь стоял на месте. Отавио прилег. Печенье во рту у него полностью растаяло.

Это был вечер пятницы. Произошли какие-то крошечные, едва заметные изменения.

Воскресенье, 20:04

Шёл мелкий дождь, едва заметный, словно небо не знало, плачет оно или потеет. По окну квартиры 5В капли стекали изогнутыми линиями, образуя краткую карту забытого континента. Шум капель, тихий свист включённого газа, неровное бульканье кастрюли и вздохи Клары, пристально вглядывающейся в плиту, словно в умирающего больного, переплетались друг с другом.

Это была уже третья попытка приготовить суп за эту неделю.

На этот раз рецепт был набросан тонким извилистым почерком в пожелтевшем желтеющей тетради; автор уже ушла из жизни, но её кастрюли и посуда до сих пор находились на кухне. Самая старая из них — алюминиевая кастрюля.

18 —

— это она унаследовала прямо от своей матери. Дно пригорело. Ручка отвалилась. История была слишком давней. Клара знала, что в кастрюле есть дырка, но не могла сказать, где именно. Но оно там, непрерывные капли на плиточном полу, медленный, тихий поток, словно меланхоличный метроном, отмечающий ход времени.

Она принесла белую фарфоровую тарелку и поставила её под кастрюлю, словно закрывая рану цветком рану. Суп продолжал бурлить, словно решив вырваться наружу.

Диссонансные звуки фортепиано наверху постепенно затихли. Вскоре зазвенела дверь позвенела. Три, два, один — словно даже колебания хотели войти.

Клара открыла дверь.

С другой стороны Игорь держал в одной руке рулон чёрной изоленды, а в другой в руке — тетрадь. Эта рубашка теперь

Pixies, брюки тоже. Носки разного цвета. Впалые глаза. А эта атмосфера скорее была продиктована импульсом, чем осознанным выбором.

— Она затопила моего Ницше —

— Он перешёл сразу к делу, подняв слегка влажный блокнот.

-В буквальном смысле. Вода капала с потолка прямо на голову о вечном возвращении.

Клара прикусила губу. Ещё до того, как она успела попросить впустить её, раздался смех.

-Пойдем. Взамен я могу угостить тебя супом. Он соленый и наполнен неприятными воспоминаний.

Игорь приподнял брови, словно философски оценивая это предложение.

— Ты только что описал мою любимую еду.

Он вошёл. С древним вздохом дверь закрылась за ним. В квартире Клара витал запах кинзы, ванильных свечей и подавленного отчаяния. Из радиоприемника, настроенного на АМ-частоту, доносились шипение и.

«Кастрюля протекла», — пояснила она, указывая на кипящие остатки.

— но я не смогла заставить себя выбросить его.

Игорь подошёл к ней, словно собирался прикоснуться к дикому животному. Он три раза обошёл кастрюлю, затем опустился на колени и осмотрел дно. Из кармана сумки карандаш и начал рисовать на руке.

— Ты...?

«Рисую схему точек схода», — ответил он, как будто это было само собой разумеющимся.

— Каждая кастрюля — это метафора. Каждая метафора — это способ. Эта — честная. Она протекает. Она признает, что не вмещает в себя всего содержимого. Как и я. Может быть, как и ты.

Клара промолчала. Кухня стала меньше.

— Ты умеешь чинить кастрюли?

-Ни за что. Но у меня есть свои представления о сковородках. Я даже принёс изоленду.

Сказав это, он начал раскатывать дно кастрюли, словно раскатывал больной лодыжку. Клара просто наблюдала, не вмешиваясь. Это было странное, нежное, почти детский жест — словно игра в доктора с помощью подручных средств.

По окончании ритуала Игорь поднял ленту и объявил:

— Готово. Благословлено святым покровителем экзистенциальных водопроводчиков, Готейниньо.

Клара улыбнулась. Он действительно улыбнулся. Не той вежливой улыбкой, которая служит точкой, а смех, открывающий скобки.

— А теперь?

— А теперь давайте пообедаем. А потом подождем, пока вода не начнёт течь в другое место.

Они сели за маленький деревянный столик с обломанными краями. Две глубокие тарелки, два набора несочетающихся столовых приборов, две чашки с теплой водой. Суп густой, с кусочками картофеля, а содержал больше соли, чем рекомендуется. Пар поднимался беспорядочными спиралями.

Они молча ели. Это было чувство терпимости, насыщенности и отсутствия требований, Тишина.

Часы на стене тикали. На улице дождь становился всё сильнее, но мир, казалось, застрял в той кухне с расколотой плиткой. Собака из квартиры 5А, Октавио, гавкнула в коридоре. Потом замолчала.

«Этот запах напоминает то, что уже произошло», — прервал молчание. — Как поцелуй, о котором так мечтали, но который так и не состоялся.

Клара посмотрела на него. Он не улыбался. Но и не отводил взгляда.

— Такой же запах, как у моей мамы.

Ещё больше тишины.

— Она готовила?

— Я готовила. И всё сгорело. И я добавила слишком много соли. Она сказала, что это виной сковороды, а не её.

(Пауза)

Похоже, я унаследовал это.

Игорь кивнул. Он коснулся ложкой края кастрюли, как будто это был булочку.

— Мы унаследовали нечто неправомерное, верно?

— Мы унаследовали лишь то, что искажено.

Они допили суп. Они не повторили это. Они не похвалили. Они не помыли посуду. Кастрюля наконец перестала протекать.

Клара встала и подошла к окну. Стекло запотело. Он написал пальцем:

«Суп — это теплое желание»

Игорь подошёл сзади. Они стояли так, плечом к плечу. Тишина вновь воцарилась тишина, дарящая уют. Сковорода, перевязанная чёрной лентой. Двое человека, разделённые чуть меньшей пропастью.

А на столешнице за кухней вода из тарелки снова начала капать. Медленно.

Но никто этого не заметил.

Среда, 13:02

На веревке для белья в общей прачечной, среди непарных носков и простыней капающих, словно не синхронизированные часы, Клара с излишней силой выжимала полосатую рубашку. Белая пена стекала по его руке до локтя. Она не любила носить перчатки — — она предпочитала ощущение тёплой воды и мыла на ладонях, словно это не только очищало руки, но и проясняло её мысли.

Это была среда, поздний день. В коридоре царила тишина, только дремающих стариков и полуоткрытых окон. Только центрифуга другого аппарата издавала ритмичный звук, заполняющий всё пространство, вращаясь, словно говоря: «Всё продолжается, всё вращается».

Именно в этот момент она услышала.

Слева сверху, из квартиры 5С, донёсся глухой, неровный звук. Это был не обычный шум, а нечто среднее между сдержанным смехом и стуком по стене.

Клара нахмурилась и замерла, словно остановив своё тело, и мир вокруг окружающий мир становился для неё более отчётливым.

Ещё один звук. На этот раз тише. Женский голос? Затем наступила напряжённая тишина, а затем — более разборчивый звук: ритмичные скреб по тонкой стене, отделявшей его квартиру от квартиры Игоря.

Клара опустошила синее ведро, медленно поставила его на место, а затем бесшумно поднялась по лестнице, тапочки едва касались пола. Он вошёл в свою квартиру — солнечный свет, проникавший сквозь плитку на кухне, уже постепенно угасал. Она открыла окно в гостиной — легкий ветерок принёс запах стирального порошка, который он оставил.

И тогда... звук вернулся.

Очевидно, с другой стороны стены.

Смех. Шепот. А затем раздался приглушённый стон.

Она замерла на месте. Её сердце билось медленно, словно колеблясь между ревностью и любопытством. Почти как ребёнок, он нерешительно открыл фарфоровый шкаф, взял набор посуды, унаследованный от тёти, и достал прозрачный стакан.

Он подошёл к стене. Прижал стакан к штукатурке. Затем прислонил ухо.

Это был он.

Игорь.

Голос был хриплым, запыхавшимся. Прерывистые слова, а потом только звуки — глухое стонание, долгие паузы и шепот имени, которое она не смогла разобрать.

Но это не было её имя.

Она знала это.

Клара пробыла там долго, не зная, хочет ли она, чтобы Игорь занялся любовью или хотела, чтобы всё это прекратилось. Чашка в его руке нагревалась. Стены слегка дрожали, словно тоже дышали. Это было интимно, почти кошунственно. Как будто как смотреть порнофильм через замочную скважину и обнаружить, что финал написал кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.